

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ театр ныне переживает не лучшие свои времена. Чтобы заметить это, не обязательно брать билет в первый ряд партера или бинокль в гардеробе. Достаточно несколько раз сходить на спектакли, и картина станет видна даже невооруженным глазом. Вроде бы и зрители в зале пока еще есть, и в репертуаре появились «смелые спектакли», а все равно нередко выходишь с премьеры с чувством шемящей неудовлетворенности. Как будто купил новую вещь не в универсаме, а в комиссионном магазине. Все вроде бы то же самое — рукава, пуговицы, этикетка, а ощущение новизны и свежести отсутствует.

Немало уже говорилось в том, что годы «застоя» приучили зрителей к «серости» на подмостках сцены, а театральные коллективы — к работе спустя рукава. Годами были уверены: нужная тема выветрится, как бы плохо она не была «освоена» на сцене. И вывозила, поскольку ничего другого зрителю не предлагалось.

Но вот подул свежий ветер перемен. Разрешили то, что нельзя было ранее, и оказалось, что многие театры к работе в таких условиях попросту не готовы — закостенели.

И потому было очень любопытно, о чем станут говорить молодые актеры и режиссеры на зональном семинаре творческой молодежи, проходившем в конце прошлого года в Воронеже.

В нем приняли участие молодые актеры из восьми областей центра России, интересными были сообщения, сделанные гостями из Москвы: преподавателями, театроведами, журналистами. К сожалению, на семинаре практически отсутствовали актеры Воронежского ТЮЗа, поскольку были заняты в это время в спектаклях и на репетициях. Трудно разобраться, кто виноват в этой накладке: то ли руководство театра, то ли представители Воронежского отделения союза театральных деятелей, не сумевшие настоять на присутствии тюзовцев на семинаре.

Надо сказать, что и воронежские режиссеры отнеслись к семинару более чем прохладно. Лишь новый главный режиссер театра кукол В. А. Зольховский проявил интерес к этой встрече. Остальные предпочли обойти ее стороной.

Вот при таких весьма любопытных обстоятельствах и проходили в Доме актера семинарские занятия. Тем не менее, разговор о творчестве и о проблемах молодых служителей Мельпомени состоялся. Разговор весьма важный и актуальный, потому что именно сегодняшним молодым предстоит выводить театры из кризиса.

ОСТОРОЖНО...

МОЛОДЕЖЬ!

В драматическом театре имени Алексея Кольцова из срока шесть человек насчитывается всего девять актеров-комсомольцев. Из них трое приняты по договору на год.

Что же касается молодых режиссеров, то, похоже, скоро придется считать таковыми всех постановщиков дополнительного возраста, столь заметно их повсеместное «повзреление». Воронежский ТЮЗ в этом смысле, естественно, выглядит более привлекательно. Молодежь здесь больше, чем в любом другом театре города. Только вот занята она по-разному. Если молодые актеры играют практически ежедневно, то их ровесницы актрисы частенько простаивают без дела.

— За один год, — говорит Ирина Крылова, — в театр приняли еще четырех актрис, меня в том числе. И все мы заняты в спектаклях очень мало. Я, например, играю только одну большую роль и одну эпизодическую. У других положение не лучше.

Еще одна проблема. Сейчас молодые актеры частенько работают «без права на ошибку». Одна неудачная

роль, и молодой актер рискует на месяцы, а то и годы остаться без настоящей работы. Это означает одно: профессиональную дисквалификацию. Не отсюда ли частая смена молодых актеров в театрах — сомнительная попытка найти «безусловно талантливых» без настоящей, кропотливой работы с ними?

Но где гарантия, что вместе с водой мы не выплескиваем и ребенка? Ведь поступил так в свое время с Шукшиным, которого не желали принимать во ВГИК, мир лишился бы прекрасного режиссера, актера, писателя.

Можно и не ходить далеко за примером. Пару лет назад

— У нас в театре вообще не хватает актеров, — говорила Надежда. — Особенно ребят. Сейчас мы выпустили «Выбор» Бонзарева, и там некоторые мужчины-актеры вынуждены играть по две роли. Самому молодому из них 37 лет. Два года назад количество молодежи у нас доходило до десяти. Сейчас же в комсомольской организации театра всего три человека.

Увы, не обошли негативные тенденции, характерные для села последних десятилетий, и творческую молодежь. Уезжает она из районов так же, как и нетворческая, хотя Борисоглебск-то уже никак «деревней» не назовешь. Прибли-

же могла бы стать элиграфом ко всему материалу. Хотя мы того или нет, но именно от него во многом зависит судьба театра. Именно он в значительной степени формирует репертуарную политику, занимает или не занимает актеров в спектаклях. Следит или не следит за ростом их профессионального мастерства.

— Устали мы от безвластия, — говорили актеры театра юного зрителя. — Устали от бесконечных конфликтов и неурядиц. В театре должен быть авторитет.

Мечтают о талантливом режиссере в Борисоглебске, во многих других театрах страны. Коллективу всегда ну-

У МЕЛЬПОМЕНИ... В УСЛУЖЕНИИ

в Воронежском ТЮЗе играл актер Александр Ширяев. Много проблем оказалось здесь у него. Настолько много, что он вынужден был уехать в Ярославль. А сейчас его инсценировку повести «Озерный мальчик» болгарского писателя Павла Вежинова готовят поставить в нашем театре кукол Вольховский. Три года безуспешно пытается завоевать воронежские подмостки спектакль «Серенада», поставленный молодым актером театра драмы Евгением Фалиным. Спектакль, в котором заняты актеры кольцовского театра и ТЮЗа, получил в городе известный резонанс, прошел в различных аудиториях более двух десятков раз. Но то сих пор не нашлось у него «сценарата», способного дать спектаклю настоящую сценическую жизнь, па худой конец, просто выделить помещение и костюмы.

— Меня упрекают за то, что я не хочу работать в экстремальных условиях, — говорит Евгений. — Но сколько можно в них работать? Мы готовы ставить спектакль на голом энтузиазме, но после постановки у него должна быть нормальная сценическая жизнь. Чтобы не бегали актеры по всем углам собирать реквизит и костюмы, распространять билеты. Нам никто не отказывает в помощи, но никто и не помогает — очень удобная позиция. И в сущности, в творчестве молодых не заинтересован никто, кроме них самих.

Сказано категорично, но ведь и спорить с этим трудно. Так же, как с тем, что работа в театрах с молодежью сейчас нередко строится по методу «моментального отбора» — после одноразовой проверки в спектакле. Проблема, однако, заключается еще и в том, что даже актеры, успешно преодолевшие этот барьер и занятые в спектаклях, часто не получают удовлетворения от своей работы. Потому что образ, найденный ими в первом удачном спектакле, начинает безжалостно эксплуатироваться режиссерами, коуча с завидным постоянством из спектакля в спектакль. В результате актер превращается в схему, шаблон, избавившись от которого бывает непросто.

Они замолчали, а я подумал, что драма, которую порой вынуждены переживать работники творческих профессий, оказывается более серьезной и реальной, чем те, которые они привыкли играть на сцене. Что вместо служения музе, мечте своей юности, они добросовестно служат плану, будто в напешку получая грамоты за его выполнение. Что, теряя профессию, они, тем не менее, делают надежду на приход в театр человека, который изменит сложившуюся ситуацию.

СПЕКТАКЛЬ

ДЛЯ ДВОИХ

Приглашая к разговору актрис из Борисоглебского театра драмы имени Н. Чернышевского Елену Гурьянову и Надежду Воробьеву, я предполагал, что проблемы, волнующие их, будут во многом отличаться от тех, что испытывает творческая театральная молодежь в областном центре. И едва не ошибся.

ны, в основном, те же, что в городе: творческая неудовлетворенность, плохие условия для работы.

— Я только спустя пять лет, — рассказывала Надежда Воробьева, — получила ордер на ведомственную комнату, в которой жила. Да и то лишь после протеста прокурора в горисполком, когда выяснилось, что в списках очередников на комнату в ЖЭУ моей фамилии вообще нет. У Юры Баженова, работающего в нашем театре и уехавшего из него, даже прописки в городе не было долгое время.

В трудных условиях работает Борисоглебский театр драмы. Серьезные проблемы с репертуаром, со зрителями.

— Стучалось, играли мы для десяти человек в зале, для пяти и даже для двух, — вспоминает Елена Гурьянова. — Какое уж тут удовлетворение. А как мы работаем со спектаклями? С декабря 1986 года пять приглашенных режиссеров поставили у нас 5 спектаклей, из них две работы не были приняты, пришлось главному режиссеру их переснимать.

Зато когда спектакль съезим, то выжимаем из него все возможное, играем по несколько раз в неделю, показываем его в селах.

— Конечно, мы должны поддерживать контакты с сельскими тружениками, — дополняет подругу Елена. — Но о каком искусстве может идти речь, когда мы играем спектакли на крохотных площадках, перед людьми, сидящими в ватниках. А не лучше ли было бы привозить этих зрителей в Борисоглебск, в храм искусства? Впрочем, сейчас наш театр храмом назвать трудно. Что-то сломалось в нашей профессии.

Они замолчали, а я подумал, что драма, которую порой вынуждены переживать работники творческих профессий, оказывается более серьезной и реальной, чем те, которые они привыкли играть на сцене. Что вместо служения музе, мечте своей юности, они добросовестно служат плану, будто в напешку получая грамоты за его выполнение. Что, теряя профессию, они, тем не менее, делают надежду на приход в театр человека, который изменит сложившуюся ситуацию.

ГДЕ ТЫ, ДОЛГОЖДАННЫЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ ГЛАВНЫЙ?

Эта строчка, взятая из театрального капустника, вполне

жен лидер. Театру тем более. Такой, каким оказался для Воронежского театра кукол его новый главный режиссер В. А. Вольховский, приехавший из Челябинска.

Еще год-полтора назад, если что и привлекало воронежцев в кукольном театре, так это здание — современное, изящное. А шли в этом здании спектакли, которые с полным основанием можно было назвать пособием для развития дурного вкуса. Что же касается актеров, то они работали в меру своих сил и способностей, ничем особым не выделяясь и не поразив публику творческими открытиями.

С приходом в театр Вольховского все переменялось. Татьяна Большакова, актриса театра, сказала о новом главном режиссере театра кукол так:

— Он открыл нам глаза на себя и на свой театр.

Да, у Вольховского было имя и авторитет, завоеванный еще в Челябинске. Но мало ли на свете авторитетов, которые, попав в иную среду, теряли весь свой багаж, пытались подстроиться, приспособить актеров, коллектив под себя. Вольховский не перестраивал, не ломал актеров, он делал их своими единомышленниками. Для начала пересмотрел репертуар, включив в него не просто хорошие, а именно проблемные спектакли: «Бука», «Белоснежка и семь гномов», «Жанна д'Арк». Познакомил актеров с новой стилистикой, доселе неизвестной им. Дал возможность высказаться на сцене. И актеры заиграли.

— Если раньше я торопилась с работы домой, — говорила Татьяна, — то теперь спешу на работу. Сейчас мы готовы репетировать спектакли в театре хоть круглые сутки. Это заслуга Валерия Аркадьевича.

Что ж, с главным режиссером Воронежскому театру кукол повезло. Трудно не заметить, что и в театре драмы положение дел сейчас меняется: пришел в коллектив новый главный режиссер А. В. Иванов, который, хочется верить, повернется лицом к молодежи и ее проблемам. Вот уже год работает в городе Молодежный театр, который должен дать молодым актерам возможность пробовать себя и выступать перед широкой зрительской аудиторией.

И все-таки нет-нет, а услышишь в театральных кулуарах до боли знакомый мотив: «Вот придет главный»...

М. ВИТАЛЬЕВ.